

ральной личности с пламенным мотором вместо сердца (так пелось в популярной песне) сегодня выродилась в уничтожающе краткое: «совок». Концептуалисты и некрореалисты забили, кажется, последний гвоздь в гроб некогда могучего и несокрушимого мифа. Но память детства неотменима: не могу забыть, каким заклятьем заклинали знаменитого героя некогда знаменитой «Повести о настоящем человеке». «Но ты же советский человек!» — внушал ему полковой комиссар, сосед по госпитальной койке, породистым баритоном Николая Охлопкова. Казалось, магия этого голоса помогла безногому летчику преодолеть страдание и немощь. Он вновь сел за штурвал самолета и был канонизирован как «настоящий человек». Настоящсть прочитывалась как синоним советскости. Тем самым остальное человечество автоматически понижало свой статус, шло как второй сорт. Наш советский снобизм крепчал. Мы гордились опытом «борьбы и побед».

Варлам Шаламов первый, кажется, выговорил: этот опыт — наш рок. Завоеванный «в бою и труде» («мы за ценой не постоим!»), он свинцовой тяжестью подломил очень хрупкое устройство, каким оказалась гуманистическая надстройка личности.

Опыт бездны и беспредела хорош лишь как универсальный инструмент расчеловечивания. Как безотказный способ опустить огромные контингенты людей за черту добра и зла.

Там, за этой чертой, сформировалось несчастное сознание, раздраемое комплексом иррациональной вины и страхом неминуемого наказания. Сознание палача и жертвы в одном лице — репрессивное сознание. Ему и обязана наша культура садомазохистским комплексом, воплощенном — с особой наглядностью — в концепции героя и героического. Христианская апологетика жертвенности, перекроенная на советский манер, с добавкой нечаевщины, дала в результате одну из коренных мифологем квазирелигии коммунизма: лишь мученическая смерть «во имя» считалась абсолютным доказательством преданности Идее и Вождю. Популярный тезис основоположника «насилие — повивальная бабка истории» стал практикой миллионов, руководством на каждый день.

Что ж кинематограф? Как вся культура соцреализма, он видел свою историческую миссию в том, чтобы эстетически узаконить идею жертвенности, придать ей подобающее величие. И преуспел на этом пути.

Десакрализация восприятия, освобожден-

ного гласностью и доступом к информации, открыла новое зрение. Бывшие вожди и впрямь оказались тонкошеими пигмеями. То, что было знаком величия личности, теперь выглядит как симптоматика коллективного безумия. Страшно наблюдать истерику Губанова, в одиночку валящего дерево обнаженным торсом («Коммунист»); страшно смотреть на параноика Корчагина, в тифозном бреде надрывающегося на строительстве узкоколейки (аловско-наумовская версия «Как закалялась сталь»), ужасен белоглазый фанатик Шорс в одноименном шедевре. По пафосу и по исполнению эти ленты ничуть не слабее однозвонного «Триумфа воли» — все из разряда проклятых, но неотменимых шедевров.

Однако самое страшное, как водится, — по другую сторону экрана. В каждом из этих «дрожащих от социального напряжения» героев (формулировка А. Довженко) есть проекция меня самой и той жизни, когда сомнений не было: вот соль земли, вот герои, до которых надо дорасти. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Установка на цель («наша цель — коммунизм») была — по сути — установкой на жертву. Мистерия жертвенной смерти — излюбленный сюжет советского кино. Реальность непрерывно поставляла материал — экрану оставалось всего лишь вдохновенно ее дублировать. Сгореть заживо в топке паровоза, закрыть амбразуру грудью, протаранить самолет противника, броситься под вражеский танк со связкой гранат — это ведь не выдумки мифотворцев, это ведь было.

Такое не объяснить атаками пропаганды, нацеленными на обработку общественного сознания в духе «беззаветной преданности». Инстинкт смерти, возбужденный кровью гражданской войны и последующим Большим террором, а потом и войной отечественной, завладел коллективным подсознанием. Культура лишь послушно откликнулась на его заказ. Путем кропотливой селекции мастеров культуры власти добились редкой гармонии между художественным и массовым сознанием — они сливались.

Глядя сегодня такую, к примеру, ленту, как «Марите» (о Марии Мельникайте, героически погибшей от руки фашистов), где мера поэтической условности приближается к балетной пантомиме, а степень обобщения — к дубку или комиксу, легче всего обвинить тогдашний кинематограф в лживости. Документальные свидетельства о времени, о его психологии и подсознании,

уже в наши дни появившиеся, оберегают от поверхностных суждений. Другое дело, что картина эта, основанная на литовском материале, никакого отношения к литовским реалиям не имеет. Это проекция советской мифологии на чужую жизнь.

Насколько глубоко коренилась сама мифология в народных пластах? Один из самых выразительных и убедительных документов социальной психологии эпохи сталинщины — книга Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Автор скрупулезно реконструирует душевное состояние своих героинь в момент начала войны и далее — через всю войну. Воспоминания большинства нельзя интерпретировать иначе, как экзотический восторг на краю разверзшейся бездны. Прямо по Пушкину: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» Но это не все. Переживания сельских школьников, которых не назовешь интеллектуалками, совпадают — один к одному — с состоянием интеллектуальной элиты, запечатленным в великом поэтическом документе времени — в стихах поэтов-ифлийцев. «Нам лечь, где лечь, и там не встать, где лечь. И, задохнувшись «Интернационалом», упасть лицом на высохшие травы, и уж не встать...»

Непреодолимое влечение к смерти как род вождения, — такой была мистика эпохи и ее кровавая практика. Впрочем, Тонатос и Эрос на советской почве обручились еще в мирное время. «Как невесту, Родину мы любим...» — сладострастно пели задолго до войны, предвкушая упосние гибели «во имя».

В костре ложного романтизма, полыхающего десятилетиями, сгорели миллионы. В него бросались, как под танки на войне. Но вот он прогорел, и культура робко стала опробовать новые версии личности. Оттепель, было, вернула нас к традиции, к маленькому человеку, к мифологии повседневности. Но алгоритм Системы довольно скоро раскрутил процесс в нужном ей направлении. Наша тоталитарная модель может функционировать только на пределе безумия, в условиях всеобщего экстаза и запредельного напряжения. Напряжение спадает — Система закаливается. Завинтили гайки покруче — глядишь, опять заработало. Пошли кампании «за искусство больших идей», за «героя-современника, достойного величия нашей эпохи». Теперь герои спорали в тракторе,

спасая хлеб для народа, погибали в тайге или при рытье очередного котлована на великой стройке коммунизма — погибали по-прежнему «во имя».

Но духовный импульс уже изменился. Крови и жертвы жаждала анемичная идеология. Под ее давлением экран устало тасовал типологию социальных героев, сложившуюся еще в тридцатые. Крапленая ханжеской риторикой партийных постановлений, замасленная колода «положительных героев» превратила советское кино в пантеон, а то и в реанимационную клинику — согласно застойной моде.

Борьба одряхлевшей мифологии, все еще нужной властям, с реальностью, где в оппозиции слагались и заявляли о себе иные мифы, рождались новые лидеры, — это отдельный сюжет. Жирную точку в конце поставил фильм «Остановился поезд» десять лет назад. Советский парафраз «Человека из мрамора», он показал детально, кто, как и с какой целью фабрикует Героев. Теперь «человека из мрамора» отменили официально. Стало быть, новых бюстов на родине трижды героев не ожидается.

Итак, свято место пусто. Живем в безгеройное время.

Впрочем, реальные черты чаемого героя забрезжили, когда ЦТ в преддверье выборов российского президента запустило в эфир серию интервью с ответом на вопрос: «Каким вы видите российского лидера?» Известный писатель ответил, что хотел бы видеть президента России «по крайней мере» не таким наглым и лживым политиком, как бывало. Развивая мысль, он сам себя поправил: мол, понятно, что в политике без вранья и наглости нельзя, это входит в профессию, и пускай себе помаленьку врут для пользы дела. Только чтобы порядочные были люди...

Так думает писатель-реалист. Во времена, когда Героя отменяли, но разрешили вечные ценности и, стало быть, нравственные абсолюты.

А как думает народ? Народ смотрит «телек». Театр жизни все еще дает фору подмогкам. Обязанности Героя исполняют народные депутаты, поп-звезды и шоумены. Ну, а киномифы у нас сегодня исключительно голливудские.

...Пока не требует поэта к священной жертве стадион. Пока.

Елена Стишова

Смерть героя

В прессе промелькнуло сообщение об упразднении звания Героя Социалистического Труда. Событие прошло тихо и незаметно. А ведь было бы о чем поговорить на поминках, что вспомнить. Что «труд в СССР — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Что «у нас героем становится любой». И что «в жизни всегда есть место подвигу». Или это тоже отменили?

Не волнуйтесь, похороны Героя все-таки состоятся. И не как-нибудь, а по первому разряду, как положено по ритуалу обладателю «Гертруды». С музыкой и орденами на бархатной подушечке. Вынос тела желающие смогут наблюдать в новом фильме Сергея Соловьева «Дом под звездным небом».

Академика Башкирцева, лауреата всех премий, крупного ученого из тех, кого ласкают власти, но человека скорей «нашего», чем «ихнего», играет не кто-нибудь, а Михаил Ульянов. Его актерская легенда «типичного

представителя» и «сына века», его безупречный гражданский имидж понадобились режиссеру для роскошной постмодернистской фрески на тему крушения русско-советского Дома. Будь в этой роли другой актер, фильм прозвучал бы как очередной соловьевский розыгрыш в жанре изысканного гиньоля, на этот раз «из жизни демонов», они же сотрудники госбезопасности. Но Ульянов есть Ульянов. Он сам себе жанр. Зная это, режиссер подмонтировал в картину короткий документальный ролик, репрезентирующий актера как общественного деятеля и народного депутата. Без ущерба для стилистики фильма эта врезка втягивает в него привычный социальный контекст. Контекст подан не без иронии, но резонирует он так, что эпизод похорон Героя обретает знаково-метафорический смысл — прочитывается как Конец Мифологии, над созданием которой изрядно потрудились родной кинематограф.

Мифология советского человека как сак-